

Выдающийся казахский поэт и общественный деятель Улугбек Есдаулет родился в селе Улкен Каратал Зайсанского района Восточно-Казахстанской области. Окончил Казахский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литинституте в Москве. Лауреат Государственной премии РК в области литературы, заслуженный деятель Казахстана, возглавлял журнал «Жұлдыз», Союз писателей Казахстана, сейчас председатель Союза писателей тюркских государств при ТЮРКСОЙ. Автор многих книг стихов и эссе, в том числе собрания сочинений в шести томах, его книги переведены на русский и другие языки народов мира. Удостоен государственных наград Республики Казахстан и международных общественных организаций.

Улугбек ЕСДАУЛЕТ

МОЁ СЕРДЦЕ, ОПАЛЁННОЕ ОГНЕМ

Утренняя песня

Дыханье утра грудь мне остужает,
Сереет небо, звёзды растворяет.
Веду коня я к речке спозаранок,
Остаток ночи взор мой застилает,
И лёгким ветром север поддувает.
Позвякивают путы. Конь гуляет.
И к водопою тропка нас выводит,
Где сопок строй прохладу охраняет.

Восход блистает медною дугою.
Путь Млечный гаснет пылью вековой.
Хочу следить я, глаз не отрывая,
За красками, за их живой игрою.
И вот она – заря степи певучей!
Трель бозторгая льётся с синей кручи;
Вот водопой – в него нырнула тропка:
Неужто это путь наш неминучий?

Не буду сердце молоком печали
Поить – надежды все ещё в начале:
Ведь только тропка в речке утонула,
А мне – дорога в утренние дали...

* * *

Так выходит: я неправильно жил.
Так выходит: никому не служил.
Ни в одну не сел в дороге попутку –
Сам свой парус раздувать я любил.
Не жалею!

Никого я в свою сеть не ловил.
Душу чистую враждой не сгубил.
Не хочу ни с кем судьбой обменяться –
Окружён любовью с юности был.
Не жалею!

Неказиста ты, глупа, жизнь моя,
И нелепа, и слепа, жизнь моя,
Златом-серебром сорил я по-царски,
Расточил я всё – в том прихоть моя.
Не жалею!

Поучительна ли жизнь? Или нет?
На пожарище взопёл вешний цвет –
Есть ли толк в цветенье этом упрямом?
Обновится ль жизнь моя? Или нет?
Не жалею!

Бог ли видит это всё? Или нет?
Тьму души пронзит раскаянья свет –
Только искренне ли то покаянье? –
Кто мне даст на все вопросы ответ?
Не жалею!

Следы

Что прошло – то прошло: степь иная уже.
Как подумаешь – катятся слёзы из глаз.
На кошме мы играли, как будто аже
Баурсаками щедро рассыпала нас.

Мы не знаем пока, что весна коротка,
Что забудутся образы детских годков,
Когда мы под корпе угревались, пока
Горячее не станем сухих угольков.

Полог юрты подвёрнут. Прохлада ведёт
К нам весёлое утро на поводу.
Опьяняет полыни с горчинкою мёд,
Но уже затянули невзгоды узду.

Это было, как сон, детства сладостный сон,
И остались в том сне на суглинке следы –
Только зорькой окрасится небосклон,
Мы бежали к реке, к самой кромке воды.

Каждым летом – рыбалка! Штаны закатав,
По волнам мы идём, и не ведаем мы,
Что эпоха-волна – высока и крута –
Как и речка, уносится вдаль, за холмы.

Это дело, наверно, пустое – искать
Дней минувших следы – прах засыпал пути,
Так зачем до скончания века опять
По следам мы мечтаем до детства дойти?..

По дорогам скитался я...

По дорогам скитался я,
Не прельщаясь ни злом, ни златом,
И в скитаниях бытия
Размышлял о грехах собрата.

Много в жизни его утех,
Неизвестных душе святоши.
Если так соблазняет грех,
Может, мне соблазниться тоже?

Нанизать на шнурок грехи –
Сделать чётки на радость бесам,
Но достанет ли мне сухих,
Ярких камешков легковесных?

Как верблюд-буырпын взбрыкнуть,
С поводка, наконец, сорваться!
Или дервишем нищим в путь
Мне с котомкой опять собратиться?

Гложут душу бывшие дни,
Где разгул и веселья много.
Я не думаю, что они
Ускользнули от ока Бога.

Жизнь дурна или хороша,
Всё равно отлетит душа
В мир заоблачный с покаяньем.
Но как встану у Божьих врат,
Пусть Всевышний, сойдя в свой сад,
Не одарит меня вниманьем;

Пусть Он времени не найдёт
Для раба, что склонился кротко,
Чтобы сделать грехов подсчёт
На моих разноцветных чётках...

И мы были тоже влюблены!

Побывал я в плену весны –
Обольщала она, томила,
Жизнь со Смертью ко мне водила.
Были тоже мы влюблены!

Страсти жар обжигал – полны
Тем огнём молодые грёзы.

От отчаянья лил я слёзы.
Были тоже мы влюблены!

Если солнце и блеск луны
Будут вечно сиять над полем,
И на то будет Божья воля,
Будем мы ещё влюблены!

Нация поэтов

Есенгали Раушанову

С народом поэт разделял его муки.
Так бросим же клич,
соберём курултай:
Пусть песен степных
громогласные звуки
Подхватят и ястреб, и бозторгай!

Вначале идут жавороночьи трели,
Вслед ястреб острит свои когти опять.
Поэты судьбу переспорить хотели,
Коран, как тафсиры¹, растолковать.

Вы Зло побороли, а всё ж виноваты,
Что от вожделений отречься нет сил.
Берите же копыя и крепкие латы –
Бороться со смертью вас Бог отпустил!

Крылатых Тулпаров
стреножат в неволе –
Бессмертное племя поэтов Земли
Отпустит Тулпаров в бескрайнее поле,
Куда они сами когда-то пришли.

Создатели Слова для рода людского,
Кого вам бояться: богов ли? царей?
Подайте же голос, откликнитесь снова,
Абай, Махамбет и Хайям-соловей!

О, вольная нация гордых поэтов,
Судьба не поможет в войне за Добро.
Провидцы, блаженные, в подвиге этом
Сподвижником будет одно лишь перо!

* * *

Средь гор высоких моего Зайсана
Пролился ль дождь?
Иль стороной прошёл?
На горных склонах
вспыхнули тюльпаны –
Трепещет ли на ветерке их шёлк?

Всем девушкам раздал бы по тюльпану,
Где слышен голос речки Жеменей!
Не взять ли не уехать ли к Зайсану,
К вершинам синим, к родине моей?

Позвать тебя с собой, чтоб увидала
Ты ак-маралов грациозный бег
И красоту зайсанских гор впитала,
И не забыла бы уже вовек.

Ты б разглядела строй сосёнок смелых,
Индеек горных гнёзда возле ног –
Не разделяя красок чёрно-белых,
Всё приняла, чем одарил нас Бог!

Ты шла бы в птичьём
окруженье звонком,
Ты б заплетала косы родникам;
Пугливо озираясь, оленёнком
Скакала бы игриво по камням.

Снег выпавший сияет на вершине.
Могучи кедры. Их полёт высок.
В небесных даях, в голубой пустыне
Величие, что видел и Пророк.

Тогда тебе открылось бы, быть может,
Суть гордости моей за этот край.
Твой лик потоки чистые размножат,
Что по ущельям убегают в рай.

Ты нежным, тайным светом засияешь
В великий этот, сокровенный миг,
И не заметишь, как сама подставишь
Мне свои губы в соке земляник...

Переводы Н. Черновой

Мята

Пока трава копытом не примята
И бусы рос не сбиты табуном,
Я воздух пью, настоящий на мяте,
И оживаю в воздухе родном.

Встаёт заря, как молодая фея,
В прозрачных тканях
юности нежней.
Я мятный воздух пью и, молодея,
Бегу к заре, как на свиданье с ней.

¹ Тафсир – толкователь Корана.

Жизнь

А жизнь всегда со смертью
будет в споре,
Ведь смерть за жизнью
ходит по пятам.
За тридевять земель, за сине море
Летела жизнь по всем семи ветрам!

Отведал я бесславия и славы,
Поэзию я превратил в судьбу,
И мёд, и яд, лекарства и отравы,
И тысячи ударов по горбу.

А жизнь прошла,
как шторм девятибалльный.
Как мягкое железо из печи,
Меня ковала жизнь на наковальне
Там, где куют булатные мечи.

Я зной познал и ледяную стужу,
Я всей душою людям был открыт,
Обиды не вытаскивал наружу.
Я жизнь любил, хотя был жизнью бит.

Осталось мне у жизни научиться –
Простаясь, достойно к Богу отойти.
Чтоб обернувшись
быстрой белой птицей,
Мне улететь по Млечному пути.

Неразумная ива

Окончен дождь, и небо прояснилось.
Гроза прошла и отступила вдаль.
Ах, ива, ивушка, скажи на милость,
Что всколыхнуло вновь твою печаль?

Не оттого ли, что тебя ласкала,
Руками нежными касаясь, синева?
Или гроза накатом напугала?
Но ведь цела осталась голова!

Девичья блажь взялась твоя откуда?
Чуть что – выдавливать горячую слезу.
У каждой женщины всегда свои причуды,
Не бойся туч, что принесли грозу!

А может, что-то держишь ты в секрете,
Боясь признаться и себе самой?
Знать, вновь в любви тебе признался ветер?
Но он не постоянный, он – такой!

Ты пройдёшь, время...

Моя звезда в гармонии со всеми,
Но лишь со Временем
И Счастьем не в ладах.
Лишь убежать, безжалостное Время,
Ты можешь, убивая, впопыхах.

С блаженством бы попробовать однажды
Твоё мгновение, хотя бы только миг
Твой пригубить. Я полной жизни жажду,
Пока я края жизни не достиг.

Круши, ломай, минуя все пределы!
Но ты не властно над могилами отцов!
Пусть матери качают колыбели
И будет крепким их уютный кров.

Ах, Время, что наделало ты с миром!
Ушла любовь, политика в сердцах,
Петляют, потеряв ориентиры,
Забыв про долг, пекутся о правах.

Добавишь бед, и кровь вскипеть готова.
Галопом, Время, ты летишь во тьму.
Убьёшь поэта, но не сможешь – Слово,
Ведь Слово не подвластно никому!

Разве ты один

Не ты один здесь, путник одинокий,
Мой добрый брат, тоскою искупил
Скитания по городам далёким,
Когда ты юным и счастливым был.

Когда влюблялся, голову теряя.
Ей тенью был – единственной, одной.
То воскресая для неё, то умирая,
И не жалея жизни молодой.

Пьёшь прошлое, соломинку хватая,
Как утопающий - и горько, и смешно.
Цеди ж его – печаль твоя земная,
Как старое хорошее вино.

Не ты один здесь путник одинокий.
Мы тоже раньше были скакуны.
Достойно, с благодарностью глубокой
С ушедшим расставаться мы должны.

Тоска по горам

Я степь люблю, но горы мне милей.
Мне снятся белоснежные вершины.
Во сне меж пёстрых призрачных камней
Я поднимаюсь ввысь по серпантину.

И снова опрокинется арба
В проходе узком,
с детства мне знакомом.
Я просыпаюсь. Видно, не судьба –
Мне много лет уж нет дороги к дому.

А я учился у могучих круч
Взлетать на крыльях –
воле, вдохновенью.
Меня водой поил мой Белый ключ,
А я ему читал стихотворенья.

Где это всё? Кто взял и погасил
Души моей светящуюся лампу?
Бетонный город душу перекрыл,
Как реку горную – всё станции и дамбы.

Я – гор дитя. Тоскую по горам.
В степи мельчаю и душой, и ростом.
Пора мне возвращаться к родникам,
Пора взойти к своим вершинам пёстрым.

Дождливое утро

Едва открывшись, ресницы утра
Вдруг затянулись косматой тучей.
В окне погасло светило будто,
Лишь дробь дождя,
стук ветвей могучих.

И синеокой реки разливы
Преодолев, я летел, как птица,
И, словно ливень, к окошку милой
Мечтал приникнуть, прося открыться.

Но ныне, с бурным потоком справясь,
К любимой мне не найти дороги,
И в тёмных окнах твоих остались
Мои надежды, мольбы, тревоги.

Былого чуть промелькнут картинки,
И снова ветер во мгле дождливой...
То ль это окна в дождя слезинках?
То ль сам я плачу, в тоске по милой?

Укрывшись белым покрывалом шёлка...

Укрывшись белым покрывалом шёлка,
Уснул пологий склон Тарбагатай.
По сыну кровному тоскующего волка
Песнь разнеслась, к аулу долетая.

И скорбь моя, как волчья песня эта,
Что бродит эхом, будоража нервы.
Скакун мой лучший вороного цвета,
Не выйдет на байгу, где был бы первым.

Уж год прошёл, а сердце не на месте,
Мне скорбь души все вытянула соки.
Уже не сядет на родном насесте
Мой молодой ретивый ясный сокол.

И если я воспряну от печали
И обниму Алтайские вершины,
Орёл мне сядет на руку, едва ли
Кто из орлов восполнит место сына.

– Рустем! – шепчу холодными губами, –
Ты именем мой скорбный путь осветишь.
Ах, жизнь, спусти же траурное знамя!
Что ж ты молчишь, не греешь,
не щебечешь?!

Переводы Сергея Комова

Седина в зеркале

Моё сердце, опалённое огнём,
Не находит себе места день за днем,
Направляется туда, где спешки нет,
Обрести приют стремясь на склоне лет.

Время вспять не повернуть, летит оно,
Всем почуять его цену суждено,
Ну а я, в чьих жилах кровь, а не вода,
Молодым хочу остаться навсегда.

Молод я! И сила юности моей
Зажигала, опаляла сонмы дней!
...Гляну в зеркало...
и взгляд надежды смёл...
Кто же дьявольщину эту избрёл?!

Судьба

Разве угадает торопливый люд,
Будет ли зима сурова или нет?
И какая птица на ветвях приют
Обретёт, не знает дерево ответ.

Промелькнут, как вспышка,
годы чередой,
Незаметно глазу, время не вернуть.
Прокипишь, как чайник, булькая водой,
Да утихнешь вскоре, завершая путь.

Нет душе покоя, если ты живой,
Жизнь сладка безмерно, что ни говори.
Грусть-тоска обходит сердце стороной,
Если мир богатый у него внутри.

Ты как будто видишь безмятежный сон,
Но, проснувшись, зубы стиснешь до крови.
Мир в туманной дымке, снегом занесен,
И глаза слезами полнятся твои.

Лист судьбы исписан, сломано весло,
Жизнь упрек швыряет рваною струной.
И весов неверных ложное число
На тебе повиснет не твоей виной...

Переводы Рены Жумановой

* * *

Не теряйте вы веры в поэта,
Даже если он любит гулянуть.
На пиру его сердце согрето
И теперь распирается грудь.

Отпустите поэта на волю,
Этот весь им накопленный жар
Может сжечь своей пламенной болью
Весь, загаженный мусором, шар.

Пусть вы слово ему не дадите,
Всё равно он не будет молчать.
Перебрал он немного, простите,
А таланта его не отнять.

Не показывайте недовольства,
Удостоите хлопками стихи.
Быть младенцем в душе — его свойство,
Да и суть его каждой строки.

Волчий нрав

Волк — моя хоругвь.
Суюнбай

Волк лапой угодил в капкан нечаянно
И начал лапу грызть свою отчаянно.
Во тьме глаза метались и горели,
Как угольки надежды слабochaемой.

Капкан проклятый он грызёт на части,
Рычит от злости, брызжет
кровь из пасти!
Зловещей ночи слышит тишину,
И нет её темнее и опасней.

От зверя равнодушно убегают,
Кружатся в небе звёзды, гаснут, тают.
Клыков кинжальных
бесполезен скрежет,
В тоске неистовой душа его рыдает.

Из рваной раны кровь уже рекой,
Он принял бой, назначенный судьбой!
И, гордо шею выгнув, волк завыл,
Услышав вдалеке волчицы вой.

Волк превозмог боль страшную от ран,
И ногу перегрыз, зажатую в капкан.
Как нрав его силён!
Сам руку отрубил!
Адамовым сынам
был нрав такой не дан.

Переводы Фархата Тамендарова

